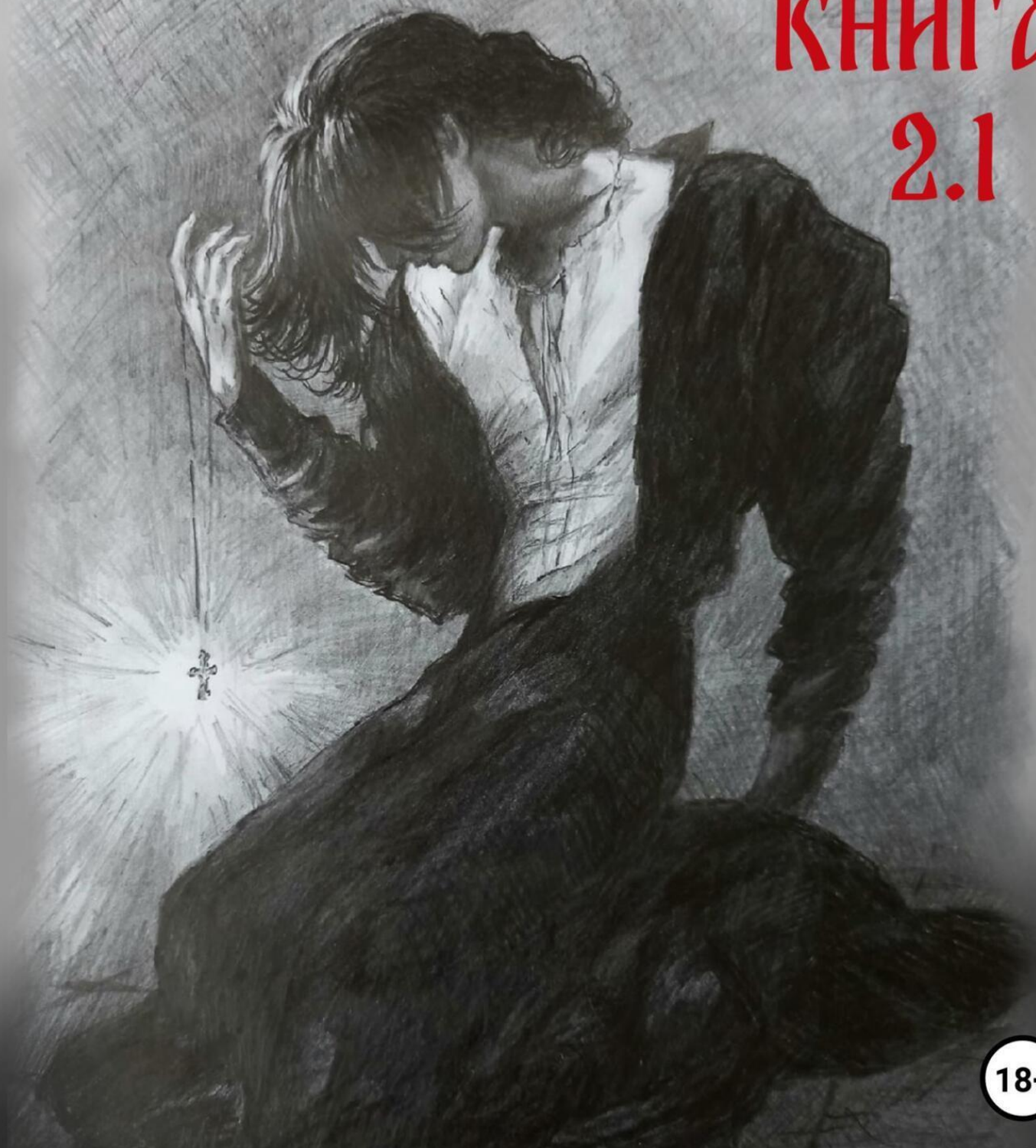

ЦАРСКАЯ ЧАША

КНИГА

2.1

18+

ФЕЛИКС ЛЕВСКИЙ

Феликс Лиевский
Царская чаша. Книга 2.1

«Автор»

2023

Лиевский Ф.

Царская чаша. Книга 2.1 / Ф. Лиевский — «Автор», 2023

Книга является продолжением событий "Царской чаши. Книга 1". "Что нас возносит, то и губит!" Главный герой романа - приближённый царя Ивана IV Грозного, Фёдор Басманов. Юный сын боярина воеводы Алексея Басманова готовился к обычной для молодых людей его сословия военной службе в государевом войске, но в один день судьба его обернулась необычайно, изменив жизнь Феди бесповоротно и навсегда. На несколько недолгих, но впечатляющих лет опричнины, положившей начало серьёзных перемен в судьбах всей Московской Руси (да и мира), Федька-кравчий становится ближайшим к царю человеком, который мог видеть вполне, что "царь - он хоть и помазанник Божий, а всё же человек!".

© Лиевский Ф., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Полнолуние.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Феликс Лиевский

Царская чаша. Книга 2.1

Глава 1. Полнолуние.

Москва. Февраль 1567 года.

Предвесенье в Москве встало вдруг всюду, сразу, в два ясных, остро пахнувших свежей сыростью и древесной оживающей корой дня. Эта сырость февраля, подхлотившего к концу, из серо-снежной и неуютной внезапно, незаметно как, напитавшись уже высоким светом неба, обернулась сладчайшей чистотой повсеместных разливов. От дневного солнца разливы, в которых опрокинутым виделся весь город, со всеми посадами, нагревались совсем апрельским вкусным сладковатым талым стеклом, а к сумеркам делались льдистыми, студенели ночным морозом, но всё равно были словно ожившими, затаившими дыхание, терпеливо ожидающими блаженной неотвратимой теперь весны. Сама земля, ещё вся скрытая грязноватым просевшим снегом, ожидала вобрать эту талую влагу, и отдать в рост заключённую в ней жизнь.

Синицы пронзительно звенели, воробьи гужевались целыми верещащими шарообразными сборищами в кронах густого боярышника и ясеня, а хохлатые мелодичные свиристели – в рябинах, презирая дела людские и объявляя на весь мир о своих. Весенних...

То и дело люди, от мала до велика, здоровые и нездоровые, состоятельные и бедные, прохожие и по домам обитающие – все поднимали головы и всматривались во влажную дымную синеву, слепящую часто словно раскалёнными белыми краями рваных облаков. С улыбками смотрели, единодушно радуясь, по обычаю, что дожили до скончания зимы, но больше – тревожились, заведомо стараясь угадать, сбудутся ли их разнообразные чаяния. Ветреные порывы разносили всегдашнюю городскую печную и кузничную гарь, и прочие запахи хлебов и хозяйств, чаще неблагозвучные, чем приятные, и в их неровных накатах появились особенные, самые желанные любому русскому сердцу домашние – свежеспеченных жаворонков¹... Для детворы настала желанная пора. Первые, ещё робкие заклички весны поручались их верещащим стайкам, а они носились и звенели, беззаботные, как воробьи, не случайно называемые в это время «птичками божьими», со своими вождельными вкусенькими мучными пташками, нередко даже и сдобными, а самые удачливые – ещё и с глазками из изюма или другой сладкой сухой ягодки. Их невинные во младенчестве радостные вопли и припевки, призывающие Весну и с нею Ладу, Лелю, часто повторяемые бездумно, и что особо важно – бескорыстно, а просто ради восторга угощением и весельем, увлечённостью их важной миссией и напутствиями, которыми их провожали по дворам и на улицы старшие, постоянно теперь слышались там и тут. Конечно, по домам они явятся промокшие насквозь, но что поделать. До грязищи-распутицы и дождливой слякоти, обыкновенных для весеннего времени, ещё далеко, так что обувка, какая-никакая, скорее всего не попортится, высохнет...

Княжна Варвара наблюдала из окна терема, как на крыше сарая, того, что пониже прочих, на обширном дворе, то и дело поднимаясь на цыпочки и вглядываясь куда-то в высокую даль небес поверх садов, расположилась ребятня дворовых, и с ними, присматривая – две девчонки постарше, в красных нарядных праздничных повязках под платками, в нарядных же понёвках поверх простых тулупчиков, и нарумяненные чрезвычайно... Мельком подумав, отчего это она раньше не замечала этих пигалиц, видимо, по большей части помогающих по кухне огромного дома воеводы Басманова, к которому она уже попривыкла за зиму, княжна с удивлением уловила себя на уколе странной зависти их самозабвенному занятию. Девушки поминутно перегля-

¹ Жаворонки – пирожки в виде птичек, по традиции пеклись на приход весны и имели сакральное значение.

дывались, улыбались неудержимо, блаженно и затаённо, и приговаривали что-то сокровенное ярко накрашенными полудетскими губами, и прихлопывали ладонями, и, как будто углядевши что-то им одним ведомое в угадываемой, осторожно призываемой ими Весне, смеялись залиvisto, и снова замирали вниманием. Княжна вздохнула, помня, как однажды, году на тринадцатом, и сама забиралась на дровяной сарай закликать Весну, вослед за дочерьми ключницы и поварихи матушкиных, уже невестами, и так была очарована этим таинством, что не сразу услышала, как братья зовут её, и помощь предлагают спуститься, так как княгиня, увидавши сие языческое озорство, благородной девице не приличествующее, разволновалась. К слову, братнина помощь пригодилась, поскольку забираться вверх было куда легче, а вот обратно – княжна и сама успела испугаться, представивши, как оступится и сверзится, и ушибётся к тому же... Глядеть радостно вверх и воображать нечаянные и скорые прелести весенней поры было несравнимо проще, чем карабкаться со ставшего вдруг высоченным сарая по шаткой лестнице за матушкиным выговором... Между тем ребятня под окнами так разгорячилась и раскричалась, что их окрикнули и согнали. И они посыпались с крыши весьма ловко. Княжна решила досмотреть, как станут спускаться девки. Всё прошло успешно. Княжна отвернулась от окна, почуяв, что начала зябнуть от проникаемых в щели окончины сквознячков – солнце стало жиденьким и холодным, всё затянуло пеленой облачности, и ветер перестал быть приятным. Так быстро поменялось настроение снаружи, что казалось уже дыхание весны привидевшимся.

После, разбирая со свекровью рукоделие и прислушиваясь к её размеренному разговору, по большей части касающемуся дел домашних и описательных Елизаровского бытия, и который она вела, кажется, только чтобы не молчать и развлечь себя и невестку долгим вечером, княжна в который раз порадовалась, что боярыня Басманова оказалась и правда спокойной и совсем не вредной... А, как бы, погружённой в себя, в свои размышления, так же отстранённые от мира, как это обычно должно быть у благочестивых монахинь и вдов. Было заметно, насколько боярыня Басманова чуждой выглядит всему здешнему сословию, как не ищет ничего расположения, дружбы и засидок по гостям. Любопытно, каковой я кажусь ей, подумалось княжне, она в который раз перебирала свои слова и поступки, и не обнаруживала в них пока что ничего такого, чтобы неудовольствие к себе вызывать. При ней княжна старалась сдерживаться во всём, и прежде всего – в словах и движениях, к мужу обращённых. А было это самое затруднительное – сдержаться, смирить прыгающее сердце, выглядеть ровной, и не положить руку на его лишний раз, и не глядеть, не отводя очей ни на миг, и голосом не ласкаться к нему, как бывало наедине. Не говоря уж о чём прочем... Тут княжна порозовела помимо воли, прогоняя поскорее вольные видения, что поминутно грудь теснили и перед взором вставали. Ей показалось, это было замечено, хоть ничем не показано свекровью, и она смутилась ещё сильнее, даже задохнувшись слегка, и тут уж не скрыть было.

– Варенька, не душно ли здесь?

– Нет-нет, вовсе нет, это ничего, это я... – она так и не нашлась, чем пояснить свой жар внезапный и замешательство, но, слава богу, этого и не потребовалось. Арина Ивановна тихо улыбнулась, неслышно глубоко вздохнула, рукоделие отложила и встала. Помедлив чуть, поправила лучину в поставце, очевидно, решая, не загасить ли её, или позвать кого из теремных прибраться, чтобы огонь понапрасну не тратить... Но всё было и без того прибрано, и она лучину погасила, sprыснув водой из корытца под нею.

– А пойдём, Варенька, до кухни дойдём да глянем, чем нам запастись надобно. Давеча Алексей Данилыч, как в Слободу отбыть, нам препоручил тут хозяйствовать... А я толкотни не люблю, ты знаешь, а тут у нас людей целое войско всеми днями. Пока с Алексеем Данилычем все уехали – ну и хорошо... И когда уже меня домой отпустят, – она так жаловалась, сетовала опять в сотый раз на московскую суету, и что она толком никого тут и не знает, и благо, что никто от неё не требует по гостям кататься и гостей принимать больше самого необходимого. А сейчас, во весь год, молодым, напротив, положено объезжать всех, кто на свадьбе

был и подарки дарил, да отдаривать честью... Тоже морока, конечно, но что поделывать, да и надобно молодым вокруг себя знакомцев иметь, кого – так, ради приличия, по чину, а кого – может и взаправду приятельски. Княжна опять вздыхала, соглашаясь, но только внешне: на самом же деле пышные нарядные выезды с мужем об руку, да если без старших, нравились ей чрезвычайно, так, что она себя укоряла за явное желание красоваться, горделиво показывать себя. А и было ведь чем гордиться и хвалиться! И ни перед кем она не робела, и вовсе ей не трудно было готовиться к выезду в гости хоть бы и целый день... Нарядов у неё стало едва ли не больше, и были они даже богаче, блистательней, чем в девках, а родители её и там не обделяли, показывая товар лицом согласно княжескому и дворцовому положению... И у Басмановых, и у них самих денег было, кажется, вдоволь и даже больше, чем требуется, и ни в чём себе отказывать не приходилось. И Федя без подарочка не являлся никогда. Так что рухляди всяческой и украшений столько стало, что решение, во что убраться во всякий новый выход, или к мужнину возврату, представляло значительную трудность. А на людях бывать ей нравилось, тем более – женою. Главное, не упускать ничего и беречься от сглазу. Сразу же вспоминались ей тут предостережения матери, с которой, к слову, она так ни разу пока после свадьбы и не видалась. От матери доставлялись ей только весточки в небольших грамотках, где неизменно прописано было ей сто назиданий, да сожаление о том, что надо выждать хотя бы месяц-другой ещё, а там и свидание долгожданное устроить, а не то, приедь она сейчас в отчий дом без причины, что люди подумают. Мигом сочинят, что неладно у княжны Сицкой в браке, раз от мужа, и полугода не вытерпев, бежит к матери жаловаться. И, конечно же, саму княжну упрекать станут, мол, негодна к семейной доле, наверное. Княжна, честно сказать, как только первая острая тоска по привычному с детства обиталищу схлынула, скучала по дому не особо, можно сказать – совсем не скучала. Тем более, по вечным матушкиным стенаниям да опасениям. «Беда – такой красавец да дерзец в мужьях, как бы не заплакаться, не нагореваться тебе с ним!», ну что ты будешь с ней делать. И, видимо, беспокоило её что-то помимо сглаза.

– Арина Ивановна... – начала она робко, и замолкла. Ей так хотелось спросить, вдруг та знает, когда Федя вернётся. Потому что сил уже почти не было ждать, целыми днями ждать его, и каждый день тянулся как год, а ночь – горше горького, одна мука. А вся жизнь в ней пела, билась и пылала, как никогда, как она даже и представить не могла, то есть – всё так, как и мечталось, но безмернее, сильнее, оглушительнее, обширнее. И она готова и счастлива бы броситься в море это безоглядно! Да сплошное ожидание между несчастными свиданиями изводило несказанно. И каждый час – не то что круглый день – без него, без его голоса, ласки, сияющей смелой открытости к ней, без свободы невероятной сладостной, что ощущала с ним рядом, в единении этом, виделся ей пропащим и подаренным смерти...

«Кто влюблён, тот очарован!» – непрестанно теперь крутилось в голове, отчего-то страшным шёпотом Любы Захарьиной, которая всю свадьбу, это княжне после передала любимая подруга Марья, с Феде её глаз не сводила, чуть ли не с ужасом. А когда при ней потом заводила княжна Марья привычные для девиц пересуды о знакомцах, как только речь о нём заходила, хоть намёком одним, сама не своя делалась и слушать наотрез отказывалась. «Сдаётся мне, Варя, – княжна Марья выдержала значительно время, – неспроста это. Прежде смущалась, бывало, как только про чьи достоинства мужские сплетничали (да ты сама знаешь!), но весело, смехом всё и озорством. А тут...» – «А тут?» – эхом повторила княжна Варвара. – «А тут и вспыхнет, и отворотится, и за пяльца схватится, и отбросит тотчас. И молчать велит. А если не умолкну – так злится! Не желаю, говорит, чужого мужа обсуждать, тем паче – подругина. И что вот это, по-твоему?» – «Что? Может и правда, судить чужое стесняется...» – «Так я ж не худое, я же всё только доброе и поминаю! И чего же не обсказать, что и так каждому зрячему видно... Ах, перестань, душа моя, право. Ясно тут как белый день – пленилась она. Очарована!». – «Ой, как нехорошо-то... И как же теперь?..». Княжна Марья только головой покачала да руками развела. Но тут же обе вспомнили, что теперь уж ей, замужней, с подруж-

ками-девицами водиться особо и не с руки, покуда те тоже замуж не повыходят. Разговор этот случился под Крещение, в доме Анны Даниловны, к Нерыцким благоволившей и дурного не видящей в том, чтобы подруги у неё под приглядом кратко виделись, пока супруг одной и отец с братом другой на мужской половине с хозяином о своём беседуют.

Странные то были чувства... Много сразу, и не все – светлые. Княжне пришлось признаться себе в том. И в туманной ревности, вообще без причины, и в приятном самодовольстве, наверняка греховной горделивости от радости обладания тем, что так желанно другим кажется... И ещё чего-то такого, вовсе уж без названия, но затаённо-сладостно сжимающего всё внутри – и отпускающего... Как бы на больших качелях. И тогда невыносимо, до слёз, до крика желалось, чтобы он был здесь, или явился прямо сейчас, и можно было бы броситься ему на грудь, обнимать его, и не таить своего огня... Волнами такой неистовой жажды воплощённого счастья накрывало, сбивало со слабеющих ног, с дыхания, что она, оставаясь одна, кидалась к Богородице и молилась. Точно оправдывалась за своё смятение, нетерпение и... чрезмерное, как ей казалось, наслаждение, и тут же – просила слёзно защитить, уберечь, укрыть омофором, сохранить её сокровенное чудо. И обещала быть терпеливой.

На кухне они пробыли недолго. Всё время, пока свекровь беседовала со своей теремной помощницей Настасьей, с поваром и ключником, она стояла поодаль, прислушиваясь. Но не столько к самому разговору, сколько к его оттенкам, могущим помочь уловить предполагаемое время возвращения мужниного. А ждали его ещё вчера... Но от него был прислан верный человек, которого они с Ариной Ивановной уже тоже воспринимали за своего, с наказом не печалиться и ожидать спокойно, и что назавтра уж точно быть ему отпущенным домой, а ныне он должен оставаться при государе, при неотложных делах его. Арина Ивановна оставляла его выпить мёду и угоститься, но он с поклоном и извинениями отказался, сославшись на то, что недавно отполдничал, и может понадобится Фёдору Алексеевичу в любую минуту.

Глядя на этого крепкого высокого молодого парня с льняными волосами, с серьёзным серо-голубым взглядом, неулыбчивого, неторопливого, немногословного, будто всегда занятого заботами и раздумьями, княжна отчаянно завидовала ему... Он видит Федю каждый божий день, он рядом с ним, помогает ему, обихаживает, выслушивает его пожелания, разделяет его волнения, и радости, наверное, прикасается к нему... По тому, как они держались вместе, никогда, впрочем, не переходя той черты, что делит господина и слугу его, можно было сказать точно, что это так и есть. Особое такое понимание с полуслова и даже без иногда, и особое доверие, когда двое знают друг друга довольно, чтобы в любой миг оказаться едиными... Как так возможно, чтобы это всё делалось не ею! И как счастливы те жёны, чьи возлюбленные мужа всегда ночуют дома. Тут она вспомнила про грядущий поход, и батюшкины походные отлучки с вечными общими молитвами по его здравью, и речи боярыни Басмановой о том, что едва ли пара полных лет наберётся из тех дней, что её муж пробыл в своём доме при семье... И сердце её сжалось приступом такой тоски, что губы дрогнули, а глаза покраснели подступающими слезами.

– Арсений! – окрикнула она уже выходящего в дверь и собирающегося надеть шапку парня. – Постой малость, кое-что передашь Фёдору Алексеичу.

Он послушно остановился и ждал, пока княжна быстро поднималась по лестницам вверх к себе, и, спеша, возвращалась с завернутыми в свежую утиральную шириночку, ею же вышитую, тёплыми рукавицами, что накануне Федя принёс ей починить. По чёрному ирховому полю там были нашиты шерстью красные звёзды, и вился по запястью тонкий обережный пояс, тоже из красных волн и солнышек. Это трогало и грело невероятно: мог ведь в починку в дворцовую мастерскую отдать, а принёс ей, чтобы сама подновила то, что с любовью для него сделано.

– Чуть не запямятовала, – промолвила она и слегка покраснела, когда он убирал свёрток за пазуху и посмотрел на неё, как ей показалось, с пониманием и дружеской нежностью даже. И,

в который раз обещавши им Фёдора Алексеича беречь всемерно, поклонясь, он вышел. Княжна сквозь пелену неудержимых слёз, и сладких, и тяжких, смотрела из окна, как он выезжает за ворота, и от его справного гнедого коня идёт пар. Арина Ивановна перекрестила его вдогонку и со вздохом к ней обернулась. И руками всплеснула, с улыбкой горестного сочувствия. Княжна принялась виниться, тоже улыбаясь, промокая глаза краем платка, ведь вчера наказала себе не лить слёз понапрасну и обеих их тем не смущать. Но Арина Ивановна слушать не стала, а обняла её, уводя в теремный покой.

Из клубящейся дымными сумерками, совсем зимней сейчас городской яви прилетел одинокий глубокий скорбный удар большого колокола. Гул держался и дрожал, и его настиг второй удар, и ещё, и поплыл, заполняя собой всё вокруг до низкого сыроватого неба, мерный могучий печальный звон.

– Иван Великий... – вздрогнув, молвила княжна, зябко кутаясь в шаль.

– Господи, прости и помилуй!.. – Арина Ивановна торопливо осенилась трижды, обратясь к красному углу.

Этот звон уже был ими слышан, ранее, в самом начале февраля в полдень, и обозначал тогда собой оповещение честному народу Московскому о происходящей прямо сейчас на лобном месте, против Покрова на рву, казни. Теперешний говорил о воле государя к молитвенному ночному стоянию, уже во второй раз по совершении этого страшного события. После Федя обмолвился, что государь, нуждаясь в таком молитвенном успокоении, бывает, оставляет и его рядом, и он делит с государем духовную аскезу. Ей это очень чудесным казалось, спросить хотелось о тысяче разного, выведать многое скрытое, и из любопытства, и от постоянного за него волнения. Но... пока никак не решалась. С малого бы начать, да хоть бы и с детских, отроческих памятных малостей, перепитий, злключений и потешек, да мало ли всего было, чем могут родные жена и муж позабавить друг друга в душевности беседы... Ему, конечно же, довелось куда больше всего увидеть и узнать в свои годы, не то что ей, девчонке под вечным приглядом ста нянек, но и то было чего припомнить... Но это была только ступень, которую мечталось одолеть, чтобы совершенно сблизиться, так, будто и впрямь знали друг друга от рождения, всё-всё в друг друге знали и понимали, и возлюбили, воистину единым целым сделавшись, а иначе она теперь и не мыслила себе жизни с ним.

Угрюмый гул длился и длился, вынимая душу тревогой и желанием как-нибудь спастись, покаяться невесть в чём, чтобы только успокоить тяжкие смятенные мысли. Наконец, стихло всё. Она явственно представляла Федю, в свете множества свечей и лампад, перед великолепием государева иконостаса, с тем возведённым горе бездонным взором, который мельком успела увидеть на венчании, только куда более суровым и отрешённым, и где-то рядом – тяжесть золотой ризы царя, которого она никак иначе и вообразить не могла, кроме того громадного неземной мощью образа, виденного всего пару раз довольно вблизи на торжествах Соборных... И опять же её настигало и просто сметало невозможностью до конца осознать, как это – быть при нём постоянно, вот так близко, рядом, исполнять его волю и свои обязанности кравческие, сложность коих она опять же не бралась осознать во всей полноте, почему-то оживляя в мыслях свои смотрины, а страшнее ничего она в жизни не испытала пока. Каково это – быть с тем, слугой тому, кому дана власть казнить и миловать... Если она перед воеводой Басмановым тогда едва не лишилась чувств, да и до сих пор робеет несказанно, хоть её ни словом, никак иначе не тронули ни разу пока что.

Она помнила, каким уставшим, омрачённым даже, молчаливей обычного явился Федя накануне. Как всегда, ничего никогда он не рассказывал ни матери, ни ей о своей службе, только если это не было что-то лёгкое и забавное. Не говорил он и о государе почти, кроме того, словами самыми общими, что за день ими делалось, а теперь, на вопрошающие её взгляды, обмолвился лишь, что многотрудный выбор всегда тяжёл, а когда речь идёт о праве и обязанности судить и миловать, то участи государевой не позавидуешь. Впрочем, обмолвился он,

как и участи того, кто гнев его на себя навлек, вольно или невольно. И мрачный настрой его, точно тяжестью непомерной, неизбежно накрывает тогда всех, кто близко. А он... очень близко ведь. Ей хотелось утешать его, заставить забыть обо всём, совсем забыть, до утра, как бывало теперь между ними... Но то был постный день, и она не решилась спуститься сейчас на мужнину половину к их постели, а он, обоих жалея, видно, не позвал, простились до утра. Княжна не сомкнула глаз, ей чудились его шаги внизу, даже как будто вздохи, и она порывалась всё дождаться полуночи и скользнуть тенью туда, и остаться в его объятиях. Но, когда она всё же отчаялась бороться с собой и тихо вошла к нему, он спал. Почти полная Луна бесстрастно заливала постель белым-белым серебром, он лежал не шелохнувшись, и, казалось, не дышал, и так был прекрасен, весь белее этого серебра, иконописно выведенный чёрными глубокими тенями черт, рассыпанных по подушке кудрей, что она простояла над ним невесть сколько... Пока не ушло из предела окна лунное излияние, и не поняла, что окоченела, и тогда склонилась, коснулась легко поцелуем его щеки, увидела бьющуюся во впадинке шеи жилку, чуть скорбную морщинку меж разлёта бровей, будто и во сне о чём-то тревожится, закусил губу, сдержав стон любования и сожаления, и... не стала будить. Не ожидала, до чего тяжело невыносимо будет вот так повернуться и уйти от него, точно по стерне босою ступать себя заставляя...

А утром, с ней не проведя наедине и часу, каждый миг которого она после по тысячному разу переживала, он опять умчал во дворец, сопровождаемый, как всегда, Арсением и парой людей воеводы Басманова. Сам же воевода пропал где-то по опричным делам государевым, занятый, как пояснил Федя матери, которая ни о чём и не спрашивала, кроме здоровья, главным образом охраной опричными силами миропорядка в Москве и окрестностях. И неурядицами опричного передела подмосковных имений, который покоя в рядах «слуг государевых» тоже не добавлял, будь то земские или те же опричные... Свары множились, по мере того, как опричные владения всё гуще разбавляли начертания прежних, единых, как теперь казалось, дворянских и боярских земель.

Дел этих было по горло, надо сказать, и воеводе Басманову с другими царёвыми ближними некогда было передохнуть. Только-только из Слободы отбыло долгожданное шведское посольство, и вместе с его главой, Нильсом Гюлленшерной, отправлены были к приморскому пограничью бояре думные Михайло Морозов и Иван Чёботов, ожидать-встречать королевну эту Катерину, дочь Яггеллонов, о которой снова зашла речь... Для верности с ними отправились ушлые думные дьяки Сукин и Щелканов-старший, а канцлер Гюллерншерн вёз своему королю Эрику царскую грамоту, об которой Висковатый, проведши переговоры строго, как Иоанн требовал, только головой покачал. Так там государь речь повёл, точно муж Катерины и брат короля шведского Юхан не под стражей, а в могиле уже был, и всё решалось волей одного Эрика, по его, Иоанна, указанию. А если тот ему сестры Сигизмунда в заложницы выдать откажет, помимо прочих согласий, так «докончальная грамота не в грамоту, и братство не в братство» будет. Что мало похоже на братский договор было... Отец говорил, сомневаясь не раз, что надо бы наверняка знать, что там у дальних берегов творится, а то ведь уже располагали они с государем одно, а на деле иначе выворачивало. Но больше о том Иоанну напоминать не стал, видя непреклонность его разом шведские дела решить. Время не терпело долгих ожиданий.

И расстроил их также Новосильцев, Иван Петрович, донесший по вестям от посланника в Турции, что тех договоров, что государь Иоанн Васильевич с султаном Сулейманом Великолепным намечали, теперь, по кончине оного, может и не состояться. И что того хуже, Крымский хан новому султану-наследнику турецкому Селиму знай назуживает, прежде чем на персов идти, занять себе надёжную опору между Кизилбашем и Царьградом, взявши по пути Астрахань. И Селим склонен будто бы скорее к этому прислушаться, нежели советы эти отклонить. Значит, опять не получится Папским прелатам, не оставляющим попыток всучить царю Московскому свою унию, ответственность не так, как хотелось бы, а уклончиво вихляясь, мол, христианам за одно надо стоять, да, супротив турок и прочих сарацин, вот только с силами

собраться бы... От таких поползновений вероломства и наглости Иоанн приходил в неистовство и едкость особого остроумия, которое в письмах переговорческих смотрелось уже прямым насмехательством и издёвкой над властительными «братьями». «А меж тем кречетов наших да доспех работы московской что ни день, требуют, собаки басурманские! Хоть имеют сами лучшее, из Константинополя, и Дамаска, и Багдада, и Милана, а из веку в век от нас броню такую выпрашивают, чтоб, значит, «стрела бы не няла», чтоб им с нами же сподручней драться было!» – в одержимости злым весельем повторял Иоанн грехи большие и малые своих извечных врагов, начиная от десятого колена. И Федька, в который раз, поражался его яркому разуму, бесконечной памяти и многоцветию языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.